

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 398.8:316.614.5

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-2-129-137>

Концептуальные мотивы с компонентом «родство» в русском народно-песенном субпространстве

Жанна Викторовна Марфина

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, marfina.zhanna@mail.ru

Аннотация

Исследуется система ведущих сценарных мотивов в русском народно-песенном субпространстве, где названия родства квалифицируются как базовые концепты, и установление их связи со вторичными концептами, вербализованными в песенном фольклоре. Научная новизна заключается в выделении и раскрытии лингвокультурологического наполнения концептуальных (сценарных) мотивов с опорными фольклоремами – названиями родства в народно-песенном тексте как особом жанровом виде, отличающемся выразительностью, достигаемой благодаря различным лингвистическим лексико-грамматическим приемам, метафоризации. В результате проведенного исследования доказано, что в русском народно-песенном субпространстве названия родства, которые приобрели статус фольклорем и ядерных единиц словаря восточнославянского фольклора, являются ключевыми элементами концептуальных сценарных мотивов. Они контекстуально устойчивы, метафоричны, сопровождаются целым рядом традиционных символов – астральных, предметных, орнитологических, растительных, животных и пр. Сценарные мотивы раскрывают образно-семиотическую и культурологическую природу народно-песенного фольклора. Исследование показало, что в народно-песенных контекстах семейной тематики (как обрядовых, так и лирических) функционирование названий родства (фольклорем) – это репрезентация культурного универсализма в современном русском культурном этносе. Образы родного (родимого) отца (батюшки) и родной (родимой) матери (матушки) – это лингвокультурные коды, связанные вербальными ассоциациями с символическим пространством и национальными стереотипами, сформировавшимися на протяжении многих столетий. Концептуализация общественной мотивации отношений между членами нуклеарной семьи отражена в вербализаторах оппозиционных понятий «родной – неродной», «свой – чужой», «радость – горе/печаль/тоска», «прощанье – встреча» и др. При этом отмечено имплицитное противопоставление образов родных (отца, матери, братьев, сестер) лирической героини образам членов семьи мужа (в первую очередь свекра и свекрови), актуализированное устойчивыми народно-поэтическими ассоциациями. Для взаимопонимания поколений народно-песенный фольклор воспринимается как интеллектуальный и познавательный фактор, сохраняющий представление о традиционной русской семье, и фактор сопереживания, сочувствования, вызывающий эмоционально-ментальный отклик на услышанное или прочитанное.

Ключевые слова: концепт, сценарный мотив, фольклорема, народно-песенное субпространство, названия родства, слово-символ

Для цитирования: Марфина Ж. В. Концептуальные мотивы с компонентом «родство» в русском народно-песенном субпространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 2 (232). С. 129–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-2-129-137>

RUSSIAN LANGUAGE

Conceptual motifs with the “kinship” component in Russian folk-song subspace

Zhanna V. Marfina

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation, marfina.zhanna@mail.ru

Abstract

The purpose of this article is a comprehensive research of the leading scenario motifs system in the Russian folk-song subspace, where kinship terms are qualified as basic concepts; establishing their connection with secondary

© Ж. В. Марфина, 2024

concepts verbalized in folk songs. The scientific novelty lies in the identification and elucidation of the linguistic and cultural content of conceptual (scenario) motifs with reference folkloremes – kinship terms in the folk-song text as a special genre, characterized by expressiveness achieved through various linguistic lexico-grammatical techniques, metaphorisation. As a result of the conducted research, it is proved that in the Russian folk-song subspace, the terms of kinship, which have acquired the status of folkloremes and nuclear units of the East Slavic folklore dictionary, are key elements of conceptual scenario motifs. They are contextually fixed, metaphorical, accompanied by a number of traditional symbols – astral, presentive, ornithological, plant, animal, etc. Scenario motifs reveal the figurative and semiotic, cultural nature of folk-song folklore. The study showed that in folk song contexts with family themes (both ritual and lyrical), the functioning of kinship names (folklore) is a representation of cultural universalism in the modern Russian cultural ethnos. The images of birth (rodimyj) father (batyushka) and birth (rodimaya) mother (matushka) are linguistic and cultural codes connected by verbal associations with the symbolic space and national stereotypes formed over a number of centuries. The conceptualisation of the social motivation of nuclear family members relations is reflected in the oppositional notions verbalizers “Rodnoj–nerodnoj” (“Related by blood – not related by blood”), “Svoj–chuzhoj” (“Friend–stranger”), “Radost’–gore/pechal’/toska” (“Joy–sadness/sorrow/longing”), “Proshchan’e–vstrecha” (“Farewell – encounter”) and other similar ones. At the same time, there is an implicit opposition between the images of lyrical female protagonist relatives (father, mother, brothers, sisters) and the images of her husband’s family members (father-in-law and mother-in-law), actualised by fixed folk-poetic associations.

For the mutual understanding between generations, folk-song folklore is perceived as an intellectual and cognitive factor that preserves the idea of a traditional Russian family, and a factor of empathy, sympathy, causing an emotional and mental response to what is heard or read.

Keywords: concept, scenario motif, folkloreme, folk-song subspace, kinship terms, word-symbol

For citation: Marfina Zh. V. Kontseptual’nye motivy s komponentom “rodstvo” v russkom narodno-pesenno subprostranstve [Conceptual motifs with the “kinship” component in Russian folk-song subspace]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 2 (232), pp. 129–137 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-2-129-137>

Введение

Народно-песенное субпространство восточнославянских народов как «хранилище» ценностно-аксиологических, эстетических кодов культуры (повседневно-бытовой, ритуально-обрядовой), фрагментов исторических событий, древних элементов языковой практики всегда притягивало внимание отечественных и зарубежных исследователей. В работах А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, Н. И. Костомарова, А. Л. Метлинского, И. А. Осовецкого, Н. В. Сумцова, А. Н. Афанасьева, Т. М. Акимова, Ю. А. Толмачёва, Н. И. Толстого, А. Т. Хроленко, В. В. Пазынина, С. Я. Ермоленко, В. В. Жайворонка, В. И. Кононенко, Н. А. Данилюк, Г. П. Пашкова, В. С. Новака, Р. М. Ковалёвой, А. В. Морозова, П. П. Червинского, А. П. Евгеньева, С. Е. Никитиной и других ученых были представлены результаты исследования особенностей, в том числе языковых, народно-песенного субпространства восточных славян.

Исследователи неоднократно отмечали, что фольклорные песенные контексты не только представляют собой основу народно-поэтической составляющей современного литературного языка, они являются «зеркалом» и национального характера, и национального менталитета, а следовательно, отражают картину мира народа [1] и могут быть рассмотрены как языковой эстетический знак национальной культуры [2–4].

Образцы русского песенного фольклора являются ярким примером особого типа художе-

ственного мышления, важным источником информации о традициях, нравах, устоях, мировоззрении народа. В сценарных мотивах, представленных в народно-песенном субпространстве, отображены различные проявления жизни как отдельного человека, так и определенных сообществ, социальных групп (например, семья, род), народов. Это отчасти обуславливает высокую активность употребления в народных песенных контекстах названий родства (НР), которые в восточнославянских языках, в частности в русском, являются отражением семейного строя и внутрисемейных отношений [5, с. 211]. В народно-песенном субпространстве НР приобрели статус фольклором и являются ядерными единицами словаря восточнославянского устного народного творчества [6].

На одну из особенностей использования НР в народно-песенных контекстах обратил внимание А. Т. Хроленко, изучавший ассоциативные ряды в народной устной поэзии. Исследователь отмечает, что типичной является контекстуальная сочетаемость нескольких НР-фольклором, представленная во всех жанрах народных песен [7, с. 8]. По сути, НР выступают текстообразующими единицами, ключевыми (ядерными) компонентами лингвокультурного концепта «родство».

Цель данного исследования – представить систему ведущих сценарных мотивов (ситуативных концептов) в русском народно-песенном субпро-

странстве, где НР квалифицируются как базовые (ядерные, концептообразующие), а также определить их связь со вторичными концептами, вербализованными в песенном фольклоре.

Материал и методы

Для исследования были выбраны тексты народных лирических и обрядовых свадебных песен из фольклорных сборников: «Народные лирические песни» (Л., 1961) [8]; «Русские народные песни» (Л., 1988) [9]; «Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия» (Л., 1984) [10]. Картотека составила 1 257 контекстов, которые были обобщены и проанализированы в данном исследовании.

Основными методами исследования являются метод компонентного анализа (анализ семантических компонентов прямых и переносных значений), метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию данных, лингвокультурологический и описательно-аналитический методы.

Результаты и обсуждение

Общеизвестно, что в социокультурном пространстве русского народа особое место всегда занимала семья/род как «исторически универсальное явление», где каждый член семьи выполнял определенную социально-бытовую роль, где существовала преемственность, выражавшаяся в приобщении младшего поколения к труду, в передаче духовного опыта, воспитании характера у ребенка и его подготовке к созданию собственной семьи [11, с. 416–429]. Уклад, обычаи традиционной (патриархальной) русской семьи, особенности внутрисемейных отношений отражены в многочисленных лирических, свадебно-обрядовых народно-песенных текстах, которые без преувеличения можно назвать «энциклопедией» брачно-семейной жизни русского народа.

В народных песнях разных жанров обобщены представления русского человека об «этalone» семьи, эксплицирована связь лингвокультурного концепта «родство» с экзистенциальной идеей о семье/роде как основе человеческого счастья: *Приздумалась [красна девица], заплакала, А заплакавши, слово молвила: «Хорошо тому жить на сем свете, У кого как есть отец и мать, И отец, и мать, и брат-сестра, Ах, брат-сестра, что и род-племя! У меня ль, у красной девицы, Ни отца нету, ни матери, Как ни брата, ни родной сестры, Ни сестры, ни роду-племени, Ни того ли мила друга, Мила друга полюбовника!»* [8, с. 162].

Несмотря на то, что патриархальная русская семья, как правило, была многодетной, «пополненной», т. е. включала несколько поколений, в фольклорных текстах изображена модель нуклеарной семьи как типичная, состоящая из супружеской пары с детьми или без детей, или одного из родителей со своими детьми [12]: *...Во слезах мне батюшка вещает: «...Ты простишь со мною, друг, в последний раз, На своей тебе сторонке не бывати, Тебе матери и брата не видати...»* [9, с. 132].

Идеал семьи представлен в русском народно-песенном субпространстве как брачный союз, созданный по обоюдному согласию молодых, в котором каждый выполняет определенную социальную роль. Ассоциативно-образное содержание таких текстов указывает на взаимосвязь концепта «родство» с другими концептами (концептуальными мотивами), при этом НР имеют устойчивые контекстуальные ассоциации, а сопровождающая их традиционная астральная символика, которая в русском фольклорном субпространстве является ключевой [13] (отец (хозяин) – *светел месяц*, мать (хозяйка) – *красно солнышко*, дети – *звездочки*), указывает на космическое, мифологическое начало семьи: *Светел месяц – То хозяин во дому, Красно солнышко – То хозяйюшка, Часты звездочки – Малы деточки. (...) Посудивши, порядивши, Домой едет он [хозяин]; Он жене-то везет Кунью шубу, кунью шапочку, А своим-то сынам По добру коню, Своим доченькам По злату венцу, Своим служенькам По сапоженькам* [8, с. 74].

Стереотипные образы *родного (родимого) отца (батюшки)* и *родной (родимой) матери (матушки)* – это НР-фольклоремы, лингвокультурные коды, связанные вербальными ассоциациями с безмятежной, счастливой жизнью лирической героини в доме родителей: *Как родимая-от матушка Во первой-то раз побудит – По головушке погладит: «Уж ты спи, мое дитячко, Уж ты спи, мое милое!» Как второй-от раз побудит – Куньей шубкой окутает, Как в третий раз побудит: «Ты вставай, мое дитячко! У меня все сделано И работа наработана!»... У родимой-то у матушки, У родимого-то батюшки Я не знала, молодешенька, Где восходит солнышко, Закатается красное* [8, с. 247–248].

Родителей у восточных славян почитали, их мнение уважали, поэтому не случайно в песенных контекстах образы *отца/матери* носят интимизированный характер, создаваемый употреблением уменьшительно-ласкательных форм *батюшка, матушка: Надеженька, надеженька, мил сердечный друг, Живем с тобой, сердечный друг, не топереча, Никто про нашу тайность, да*

друг, не знает, Ни батюшка, ни матушка, ни род-племя [9, с. 59].

В народных лирических текстах отражена традиция подчинения детей воле родителей. Прежде всего это касалось выбора спутника жизни, что нередко происходило вопреки желаниям, мнению дочери/сына. Контекстуально этот мотив актуализируется предикатами типа *отдал, поженил, приневолила, не послушал, запоручил* и т. д.: «*Не пеняю я на батюшку родного, Что отдал меня батюшка не к месту, Не к моему роду-племени приезду*» [9, с. 139]; *Ведь я не сам собой да я жениться стал, Поженил-то меня да родной батюшка, Приневолила-то меня да родна матушка* [9, с. 152]; *Не послушал, сударь батюшка, Моего наказаньица, Запоручил, сударь батюшка, Ты меня, молодешеньку...* [8, с. 242].

К выбору спутника/спутницы жизни в русских семьях подходили ответственно: в будущей жене/невестке прежде всего ценили трудолюбие, хозяйственность, целомудрие, покорный, кроткий характер («*Сударыня матушка! Та мне женой будет, А тебе невестушкой, Во поле работница, Во дому кукобница...*» [8, с. 218]; *Жена – дом, жена – стан, жена – радость моя, Жена – радость моя и веселье мое, Жена – житки мои и прожитки мои!* [8, с. 333]), а при выборе мужа/зятя предпочтенье отдавали практичной составляющей, финансовой состоятельности, жизненному опыту избранника (*Вырастёшь, сестрица, дюжая, большая, Ой, люшеньки-люли, дюжая, большая, Отдам тебя замуж в новую деревню, Ой, люшеньки-люли, в новую деревню, В новую деревню, не в большую семью, Ой, люшеньки-люли, не в большую семью, Не в большую семью, за большого брата, Ой люшеньки-люли, за большого брата...* [10, с. 348]). Хорошей жене в народных лирических песнях противопоставлен образ жены нежеланной, распотылой, лютотой, угрюмой (*Навязалась мне жена – что лютая змея; Что журит меня, бранит день до вечера* [8, с. 324]; *Ты возьмешь себе молодую жену, Молодую жену, змею лютовую: Из норы выползет – озирается, По песку ползет – извиивается, По траве ползет – мураву сушит* [8, с. 173]; *Не видал я тебя, когда ты прошла (...)* *С угрюмой женой живучи. Не продать жену, не променять ее – Что никому-то она не надобна...* [8, с. 324]). Данные контексты имплицитно связаны с концептуальными мотивами БЕЗЫСХОДНОСТИ, ОБРЕЧЕННОСТИ, на что указывают вербальные текстообразующие компоненты.

К основным вербализаторам концепта «родство» в народно-песенном субпространстве отно-

сятся НР *отец, мать*. Если архетипический образ отца в русском народно-песенном субпространстве соотносится с главенством и властью в семье, защитой, надежностью и опорой для своих детей, часто выражаемыми сочетанием НР *отец (батюшка)* с приложением *кормилец (Я еще бы покрасовалась У кормильца-батюшки, У родимой матушки* [8, с. 271]), то образ матери олицетворяет сострадание, заботу, внимание, доверие, что подкрепляется контекстуальной сочетаемостью НР *мать* с номинативными, атрибутивными и вербальными компонентами с соответствующей позитивной семантикой: *Спасибо, матушка ласковая, Дорогая и умильная! Ты берегла меня, матушка, Во девичестве моем долгом, Укрывала меня, матушка, От людских переговорных слов, Ты дарила мне, матушка, Каждый год волю вольную...* [8, с. 261–262]; «*Не надо мне, мамонька, не надо, Государыня, Да мне духовного отца! Приведи-ка ко мне, мамонька, Да приведи, государыня, Кого прежде любила!*» [8, с. 158].

Находим в фольклорных контекстах и упоминания о роли детей в семье, которые не только являлись продолжателями рода, наследниками, их приучали к труду, прививали духовно-нравственные ценности, тем самым готовили к дальнейшей самостоятельной жизни [11, с. 429]. Среди основных добродетелей, присущих детям, в фольклорных песенных контекстах выделены трудолюбие, покорность и послушание, честность и целомудрие: *Ты подумал бы, кормилец батюшко, Я слуга-то была тебе и работница, Я в семье была покорная, На работушки до-тошная, Имя честно не бесславила* [8, с. 242].

В народных песнях ярко выражено противопоставление родной семьи девушки-невесты/молодой жены и семьи ее жениха/супруга, которое актуализировано оппозитивами, в том числе контекстуальными, например: *работать легко, не-гою хорошо, нежуся досыта – небуженная стою* и т. д. (*У кормильца-то у батюшки Работать было легко. У кормильца-то батюшки Работать было легко. А у родимой-то матушки Утром негою хорошо. А у родимой-то матушки Утром негою хорошо. Сплю я, нежуся досыта, Э, и гуляю, что хочу. Сплю я, нежуся досыта, Э, и гуляю, что хочу. Во чужьи люди попала И небуженная стою. Во чужьи люди попала И небуженная стою* [9, с. 135].

Образ родной семьи в фольклорных контекстах ассоциативно связан с мотивами ОТЧЕГО ДОМА, БЛАГОПОЛУЧИЯ, БЕЗЗАБОТНОЙ ЖИЗНИ (*Поиграйте, девушки, Поколь весело у батюшки, У родимой своей матушки!* [10, с. 245]), тогда как жизнь в семье мужа концепту-

ально мотивирована как ТЯГОТЫ, ТЯЖЕЛЫЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД, ПРЕЗРЕНИЕ, СТРАХ (*Во чужие люди отдадут – Поспать мне не дадут. Еще свекор да свекровушка Все журут да бранят; Еще деверья да золовушки Работать велят: «Работай, невесточка, Не постаивай, На родимую сторонушку Не поглядывай!»* [8, с. 175]; *Да меня свекор-от журут – бранит, Меня свекор-от журут – бранит. Да свекровь-маменька побить велит, Свекровь-маменька побить велит* [10, с. 248]; *«Батюшка, рада б ночевать, Да родненький, рада б ночевать: Батюшка, я свекра боюсь, Родненький, лихого боюсь»* [9, с. 149]). В таких контекстах прослеживаем концептуальную оппозицию «РОДНОЙ (СВОЙ) – ЧУЖОЙ», которая интерпретируется в аксиологическом, ценностном плане как противопоставление «ХОРОШИЙ – ПЛОХОЙ» [14] по отношению к семье/роду. Такая концептуальная мотивация обусловлена тем, что в патриархальных семьях роль невестки в семье мужа была, как правило, незавидной: она обязана была подчиняться воле всех членов семьи, что, безусловно, нашло свое отражение и в семейно-бытовых фольклорных контекстах, где одним из основных сценарных мотивов является МОТИВ НЕСПРАВЕДЛИВОГО ОТНОШЕНИЯ К НЕВЕСТКЕ В СЕМЬЕ МУЖА: *«Молодка, молодушка, молоденькая! Чего ты, молодушка, не веселая?» – «Отчего мне, молодушке, веселой-то быть? Свекр называет медведицею; Свекровь называет лютою змеей; Деверья называют доможилкою; Невестки называют расточиною; Золовки называют щеголихою»* [9, с. 136]. Показательно, что НР-фольклоремы, обозначающие членов семьи мужа, контекстуально сочетаются с постоянными эпитетами с негативной коннотацией (*лихой, лютый свекр, лиха, зла, лютая свекровь (свекровушка), золовушка; грозный, распостылый муж* и т. д.), тем самым усиливают концептуальное наполнение народно-песенного контекста. Показательно традиционное для фольклора сближение НР, обозначающих членов семьи мужа, и номинаций животных и птиц с актуализированной негативной коннотацией (*свекр – котиче, свекровь – гусыня* и т. д.): *...На печище котиче лежит – То лютой свекр-батюшка, А по полу гусыня – То лютая свекровь матушка...* [8, с. 250]; *Ты не пой, соловейушка, не пой, сизый, молодой, Не давай досадушки сердцу моему. Свекровь – матушка была лиха на меня: Посылала молодешеньку на ключ босу за водой* [9, с. 140]. *Изведут меня зла свекровушка, Зла свекровушка да золовушка. А пуще того – грозный, старый муж, Распостылый муж да неровнушка* [9, с. 149].

В фольклорных контекстах раскрыты психологические сложности внутрисемейных отношений, внутренние противоречия лирических героев, которые они переживают в чужой семье: *«Как будет прийти во чужи люди, Как будет назвать люта свекра? Батюшкой назвать – не хочется, Свекром назвать – рассердится, Как назвать люту свекровушку? Матушкой назвать – не хочется, Свекровью назвать – рассердится* [10, с. 303]; *Уж я как же буду звати люта свекра? Уж я как называть люту свекровь? Уж я как звеличать да деверьицев? Уж я как назову да золовушек? Приубавлю я спеси-гордости, Я прибавлю смиренства и кроткости, Назову ли я люта свекра батюшкой, Назову ли я люту свекровь матушкой, Назову ли я деверьицев братцами, Назову ли я золовушек сестрицами, Назову ли я Григория душечкой, Назову ли я Васильевича ягодкой* [10, с. 227].

Исследованный материал дает основания дифференцировать в народно-песенном субпространстве несколько ведущих сценарных мотивов, основу которых составляют НР-фольклоремы.

Один из наиболее часто встречаемых в народно-песенном субпространстве мотивов – МОТИВ ЗАМУЖЕСТВА/ЖЕНИТЬБЫ. Он тесно связан со сценарными концептами «плач», «печаль», «переживание». Примечательно, что для лирической героини данная концептуальная мотивация актуальна в связи с предстоящим замужеством, ассоциированным у нее с неизвестностью и вызывающим страх и опасения (*Тут растужилась, расплакалась Что душа ли красна девушка Елена Павловна: «Уж ты, родимой батюшко, Ты какие думы думаешь, Ты какие мысли мыслишь, Ты какие думы крепкие, Ты какие думы скорые: Не меня ли замуж выдаешь, Не меня ли запро-сватаешь?»* [10, с. 220]), тогда как для лирического героя волнение и тревогу вызывает несвоевременная женитьба (*«Дите ль мое, дитяtko, дите ль мое милое, Что ходишь невесело, гуляешь нерадостно?» «Ах, родима матушка, к чему веселиться? Все мои товарищи да все поженились, А я у вас, матушка, хожу холост, не женат!» «Женись, женись, дитяtko, женись, мое милое, Бери, бери, дитяtko, которая понравится!»* [10, с. 200]).

Разнообразие и богатство символики характеризует данный сценарный мотив: *рябина* с актуализированной семантикой тоски, разлуки, судьбы [15, с. 22] (*«Ой, да ты рябина, да ты рябинушка, Ой, да ты садова зелена прикудрявая, Ой ты, когда ты выросла, когда выросла?»* (...)) *«Ой, да ты дева, дева, ты зачем рано замуж пошла?»* [10, с. 198]; *жемчуг*, ассоциированный с

утратой девичества (...*Не собрать, не собрать жемчужка Что ни батюшке, ни матушке, Ни братцам, ясным соколам, Ни сестрицам, белым лебедям. Соберет, соберет жемчужок Удалой добрый молодец...* [10, с. 201–202]); ягодка как олицетворение избранника (*Посылала ее матушка, Что во сырой бор по ягодки. «Выбирай-ка себе, дитяtko, Что из ягодок ты ягодку; (...) Посылала ее матушка Во высок терем бояр смотреть: «Выбирай-ко себе, дитяtko, Из князей ты себе княжича, Из бояр себе боярина* [10, с. 203]); ясный сокол как обобщение образа жениха (*Ясен сокол залетает, Дуню плакать унимает: «Ты не плачь-ко, не плачь, Дунюшка, Ты не плачь-ко, не плачь, Антоновна, У меня жить будет лучше...* [10, с. 229]) и др.

МОТИВ БРАКА ПО ПРИНУЖДЕНИЮ, ПРОТИВ ВОЛИ МОЛОДЫХ обусловлен типичностью социально-бытовой ситуации: *Калинку с малинкой вода поняла, На ту пору матушка меня родила, Не собравшись с разумом, замуж отдала, Замуж отдала за неровнюшку, За неровнюшку, в чужу сторону, Во чужу сторонушку – во лиху семью* [8, с. 296]. Примечательно, что в основе традиционных для русского фольклора символов *калинки, малинки*, являющихся образами-антиподами и символизирующих переход девушки из родительского дома в семью мужа, лежат вкусовые ассоциации, на что в свое время обратил внимание А. А. Потенба: «Сладкий вкус и по символическому значению противоположен горькому... Сладкое – любовь, счастье, потому что противопоставляется горю» [16, с. 16], т. е. горький вкус калины сопоставляется и с тяжелой долей молодой женщины в доме свекра, тогда как прежняя девичья жизнь у родного батюшки отождествляется со сладкой ягодой малиной [17, с. 47].

В некоторых контекстах неприятие ситуации лирическим героем/героиней сопровождается адвербиальными конструкциями *не в любовь, не по нраву*, а также образными компаративами *что колодинка, что змея шипит: Как женил меня родной батюшка, Говорила мне родна матушка: «Ты женись, женись, бесталанный сын, Ты женись, женись, мое дитяtko!» Как женился я, добрый молодец, – Молода жена не в любовь пришла, Не по нраву мне молодецкому: На руке лежит – что колодинка, Во глаза глядит – что змея шипит* [9, с. 151].

Близким по значению к предыдущему мотиву является МОТИВ РОДИТЕЛЬСКОГО ЗАПРЕТА НА БРАЧНЫЙ СОЮЗ ДЕТЕЙ ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ: *«Девушка-красавица, ты, радость моя, Жизнь наша – нетленная с тобой красота! Батюшка родимый воли не дает, Мать моя благословеньица крепкого не кладет, Род-племя*

ругают молодца, бранят, Тебя, раскрасавицу, брать все не велят!» [9, с. 61]; *Что жури-бранит матушка своего сына: «Ты покинь, покинь, мой сын, худы дела, Перестань любить, дитяtko, красну девицу!»* [9, с. 62].

Народно-песенное субпространство транслирует и МОТИВ НЕУДАЧНОГО/НЕСЧАСТЛИВОГО/НЕРАВНОГО БРАКА. Зачастую такие контексты представлены в форме диалога лирической героини с матерью, отцом (батюшкой), родными сестрами, братьями: *«Уж ты дочь моя любимая, Каково житье да во замужестве? Ты носи платье, платье слаживай, Ты терпи горе, горе не сказывай». «Уж ты мать ты моя, мамонька, Ты, родима моя мамонька, Я ношу платье, а платье сложится, Я терплю горе, а горе скажется»* [9, с. 145–146]; *Ой да во замуж я пошла, Да за стара... за стара мужа. Ой да со старым мужем Да жить не гля... жить не глянется* [9, с. 156]. *«Хорошо ль тебе, сестрица, За старым мужем жить?»* (...) *«Мне за старым мужем жить – Только стариться»* [10, с. 347].

МОТИВЫ РАССТАВАНИЯ С РОДНЫМИ и ТОСКИ ПО ОТЧЕМУ ДОМУ ассоциативно сопряжены и реализуются в широком контексте: *Тяжело да расставатися Со своими-то отцом-матерью, С дорогими-то сестрицами, Со всем милым родом-племенем* [8, с. 249]; *...Ясен сокол залетает, Дуню плакать унимает: «Ты не плачь-ко, не плачь, Дунюшка, не плачь-ко, не плачь, Антоновна, У меня жить будет лучше. (...) «Это черт у тя, не нега! Мне у батюшки жить лучше, Мне у батюшки жить лучше, Жить вольнее да гульнее»* [10, с. 229].

Транслируемый МОТИВ ТОСКИ В СЕМЬЕ МУЖА опосредованно актуализирует оценочный компонент народно-песенных контекстов, выражаемый комплексом контекстуальных элементов с негативной коннотацией: *«Как бы я знала, млада, ведала Про свое горе, про несчастье, Про замужье про бездельное, Я бы сидела век во девушках У родимого своего батюшки, У родимой своей матушки; (...) Как бы знала я, млада, ведала, Что просватал меня сударь батюшка Не в любимую во сторонушку, Не за прежнего любовника, Не за ладушку за милого, А отдал меня батюшка Не в согласную семью, Не в покрытую избу!»* [9, с. 133].

МОТИВ ВОСПИТАНИЯ/НАУЧЕНИЯ воплощен в сценарных концептах, когда родители дают наставления детям по поводу межличностных отношений с представителями противоположного пола: *Мне-то батюшка наказывал: «Ты дитя мое, дитяtko, Как старый идет – поклонись, Молодой идет – прихоронись!»* [8, с. 212]; *...Вот никто не догадается, Да догада-*

лась ее маменька, Да догадалась ее маменька: «Да ты родимое мое дитяtko, Да ты родимое мое дитяtko, Да приголубь ты ясна сокола, Да приголубь ты ясна сокола, Да ясна сокола залетного, Да ясна сокола залетного» [10, с. 255]; ...Родна мамонька в окошко глядит, **Целоваться, миловаться не велит.** «Ты возьми-ко, сын, плеточку, Ты возьми-ко, сын, шелковую, **Поучи-ко молодую свою жену**» [10, с. 346]; Мы тебе, сестрица-душа, без людей говорим, А при людях мы **тебя** на ум поучим: Пойдешь ты, сестрица-душа, во чужии люди, **Держи ты головушку да поклонливую, Ретивое сердечушко да покорливое, Не тебя кликнут – ты откликнися! Не тебя пошлют – ты сама пойдиди!** [8, с. 250].

Следующие мотивы воплощают те сценарные концепты, которые связаны в русской культуре с типовыми бытовыми ситуациями и главным образом выражаются комплексно (определенными предикатами, уменьшительно-ласкательными формами НР, в том числе в роли обращений, рядом традиционных символов и прочими текстообразующими компонентами):

МОТИВ ПРИЕЗДА МАТЕРИ В СЕМЬЮ/ДОМ ДОЧЕРИ: *Не по морюшку лебедушка плывет, Эх, да свыше бережку головушку несет. Не ко мне ли родимая маменька идет? Эх, да ты иди-ко, иди, родимая, сюда, Да погляди-ко ты на бессчастную здесь меня, Погляди-ко ты на бессчастную здесь меня* [9, с. 143];

МОТИВ МОЛЬБЫ-ПРОСЬБЫ ДОЧЕРИ К ОТЦУ/МАТЕРИ: *Матушка моя, я нега твоя, Не отдавай ты меня далеко от себя, Хоть отдай меня поближе к себе! Я по воду пойду, к тебе забегу, Про свое горе расскажу* [9, с. 150]; *Батюшку я говаривала, Матушке я приказывала: «Не отдавай, батюшка, ту сторону, В ту меня сторону – за Кострому! Та сторона мне давно не мила: Горы высоки, реки глубоки* [9, с. 139];

МОТИВ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ: *Благослови-ко меня, батюшко И родимая*

моя матушка, От раденья ретива сердца, Чтоб жить-то мне не маяться... [8, с. 295]; Ах, вы батюшко-матушка! Благословите мне, девушке, идти в парную баенку, Хоть не в первую, не в последнюю, А во девичью последнюю! [8, с. 268];

МОТИВ НЕВЕРНОСТИ В БРАКЕ: *Не в корысти прошла, молодость, не в радости, Со худой мне женой веком живучи, На чужую-то жену веком глядючи* [9, с. 152]; *Как болит-то ли, болит у мужа головка, На чужих-то ли глядя на жен на хороших, Что на девок-то ли, девок на пригожих* [9, с. 154].

Заключение

Таким образом, концептуализация семейных отношений в русской народно-песенной культуре отражает обобщенное представление о семье/роде, социальных ролях ее членов, а выделенные концептуальные (сценарные) мотивы, где названия родства выступают базовыми элементами, указывают на взаимосвязь лингвокультурного концепта «родство» и таких концептуальных мотивов, как «радость», «счастье», «любовь», «отчий дом», «достаток», «благополучие», «беззаботная жизнь» и др. Большинство выделенных сценарных мотивов отражают типовые бытовые ситуации.

В народно-песенных контекстах (и в социально-бытовых, и в лирических) функционирование НР-фольклором является одной из ключевых особенностей, поскольку именно повседневно-бытовая лингвокультура – это среда сохранения и воспроизведения мировоззренческих взглядов этноса. При этом следует отметить, что стереотипные образы членов семьи в фольклорных песенных контекстах характеризуются устойчивыми ассоциациями с ярко выраженной коннотацией: позитивной (образы родных отца, матери, братьев, сестер) и негативной (образы членов семьи мужа, в первую очередь свекра и свекрови).

Список источников

1. Кузнецова Е. В. Самоопределение народа. Национальный менталитет // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 80–85.
2. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ: Ін-т укр. мови НАН України, 2009. 352 с.
3. Жайворонок В. В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні // Мовознавство. 2012. № 2. С. 58–64.
4. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. URL: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (дата обращения: 02.06.2019).
5. Жайворонок В. Українська етнолінгвістика: Нариси. Київ: Довіра, 2007. 262 с.
6. Єрмоленко С. Я. Фольклор і літературна мова. Київ: Наук. думка, 1987. 245 с.
7. Хроленко А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике // Поэтика русского фольклора. Л.: Наука, 1981. Т. 21: Русский фольклор. С. 3–13.

8. Народные лирические песни. Л.: Сов. писатель, 1961. 610 с.
9. Русские народные песни: сб. / сост. А. Н. Розова. Л.: Сов. писатель, 1988. 464 с.
10. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: сб. / сост. К. Чистова. Л.: Худож. лит., 1984. 528 с.
11. Русские. М.: Наука, 1999. 828 с.
12. Семёнова Л. В. Семья. Понятие, виды, структура, проблемы // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 18. С. 58–62.
13. Тепеева Д. Р. Символика в русском народном песенном дискурсе // Филологический аспект: междунар. научно-практ. журн. 2021. № 11 (79). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/simvolika-v-russkom-narodnom-pesenno-diskurse.html> (дата обращения: 12.10.2023).
14. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. URL: <https://lit.wikireading.ru/48726> (дата обращения: 20.06.2023).
15. Пазынин В. В. Образы деревьев в русской народной лирике (к проблеме ассоциативного наполнения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 28 с.
16. Потехня А. А. О некоторых символах в славянской поэзии // Слово и миф в народной культуре: собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. С. 5–92.
17. Девятко В. Калинка-малинка – это о любви // Словесница искусств. 2011. № 1 (27). С. 44–50.

References

1. Kuznetsova E. V. Samoopredeleniye naroda. Natsional'nyy mentalitet [Self-determination of people. National mentality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social Sciences Series*, 2011, no. 2 (22), pp. 80–85 (in Russian).
2. Yermolenko S. Ya. *Movno-estetchni znaky ukrainskoi kultury* [Linguistic and aesthetic signs of Ukrainian culture]. Kyiv, In-ukr. movy NAN Ukrainy Publ., 2009. 352 p. (in Ukrainian).
3. Zhayvoronok V. V. Movni znaky ukrainskoi etnokultury v antropotsentrychnomu vysvitleni [Language signs of Ukrainian ethnoculture in anthropocentric coverage]. *Movoznavstvo*, 2012, no. 2, pp. 58–64 (in Ukrainian).
4. Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993 (in Russian). URL: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (accessed 2 June 2019).
5. Zhayvoronok V. *Ukrainska etnolinhvistyka* [Ukrainian ethnolinguistics]. Narisy. Kyiv, Dovira Publ., 2007, 262 p. (in Ukrainian).
6. Yermolenko S. Ya. *Folklor i literaturna mova* [Folklore and literary language]. Kyiv, Nauk. dumka Publ., 1987. 245 p. (in Ukrainian).
7. Khrolenko A. T. Associativnye ryady v narodnoy lirike [Associative series in folk lyrics]. In: *Poetika russkogo fol'klora*. Tom 21: Russkiy fol'klor [The poetics of Russian folklore. Vol. 21 Russian folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. P. 3–13 (in Russian).
8. *Narodnye liricheskiye pesni* [Folk lyrical songs]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1961. 610 p. (in Russian).
9. Rozova A. N. (comp.) *Russkiye narodnye pesni: sbornik* Rozova [Russian folk songs: Collection]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 464 p. (in Russian).
10. Chistova K. (comp.) *Russkaya narodnaya poeziya. Obryadovaya poeziya: sbornik* [Russian folk poetry. Ceremonial poetry: a collection]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 528 p. (in Russian).
11. *Russkiye* [Russians]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 828 p. (in Russian).
12. Semyonova L. V. Sem'ya. Ponyatiye, vidy, struktura, problemy [Family. Notion, types, structure, problems]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty*, 2015, no. 18. pp. 58–62.
13. Тепеева Д. Р. Символика в русском народном песенном дискурсе [Symbolism in Russian Folk-song discourse]. *Filologicheskyy aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2021, no. 11 (79) (in Russian). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/simvolika-v-russkom-narodnom-pesenno-diskurse.html> (accessed 12 October 2023).
14. Pen'kovskiy A. B. O semanticheskoy kategorii “chuzhdosti” v russkom yazyke [On the semantic category of: “alienness” in the Russian language]. In: *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004 (in Russian). URL: <https://lit.wikireading.ru/48726> (accessed 20 June 2023).

15. Pazyurin V. V. *Obrazy derev'ev v russkoy narodnoy lirike (k probleme assotsiativnogo napolneniya)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Images of trees in Russian folk lyrics (on the problem of associative content). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 28 p. (in Russian).
16. Potebnya A. A. O nekotorykh simbolakh v slavyanskoj poezii [On some symbols of Slavic poetry]. In: *Slovo i mif v narodnoj kul'ture: sobraniye trudov* [A word and a myth in popular culture: Collection of works]. Moscow, Labirint Publ., 2000. P. 5–92 (in Russian).
17. Devyatko V. Kalinka-malinka – eto o lyubvi [Kalinka-malinka is about love]. *Slovesnitsa iskusstv*, 2011, no. 1(27), pp. 44–50 (in Russian).

Информация об авторе

Марфина Ж. В., кандидат филологических наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет (ул. Оборонная, 2, Луганск, Луганская Народная Республика, Россия, 291011).

E-mail: marfina.zhanna@mail.ru

Information about the author

Marfina Zh. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, rector, Lugansk State Pedagogical University (ul. Oboronnaya, 2, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation, 291011).

E-mail: marfina.zhanna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 11.01.2024; accepted for publication 01.02.2024